

Изъ дневника.

(Посвящается памяти Н. А. Варгунина).

Жизнь приучаетъ насъ къ утратамъ и потерямъ, но есть утраты настолько тяжелыя, что помириться съ ними, привыкнуть къ нимъ почти невозможно. Такою именно утратою явилась для насъ смерть выдающагося общественнаго дѣятеля—Николая Александровича Варгунина, скончавшагося 8 сентября 1897 г., 45 лѣтъ отъ роду. Человѣкъ этотъ былъ полонъ еще жизни, силъ и энергіи и сошелъ съ поля общественной дѣятельности въ день закладки того грандіознаго учрежденія, которое являлось для него излюбленнымъ дѣтищемъ, осуществившейся мечтою многихъ лѣтъ. Впрочемъ, одинъ ли народный театръ обязанъ ему своею жизнью?! Мы видимъ рядъ просвѣтительныхъ учреждений, въ которыхъ глубоко чтимый Николай Александровичъ былъ инициаторомъ и душою.

Скорбно переживая эту тяжелую утрату, я прежде всего останавливаюсь мыслью на дѣлѣ, особенно близкомъ мнѣ,—на воскресной школѣ. Помню, я встрѣтилась въ первый разъ съ Николаемъ Александровичемъ много лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ. И тогда уже (это было въ 1881 г.) за нимъ прочно установилась репутація выдающагося общественнаго дѣятеля. Онъ привѣтливо выдалъ мнѣ входной билетъ на посѣщеніе такъ называемыхъ участковыхъ воскресныхъ школъ. Школы эти не удовлетворили меня, о чемъ я и говорила подробно Н. А. Помню, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ меня; съ какимъ интересомъ расспрашивалъ о нашей воскресной школѣ, какъ говорилъ, что пріѣдетъ къ намъ поучиться. Скромность, мягкость и

гуманность были отличительными чертами этой глубоко благородной натуры. И дѣйствительно, онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе побывать въ Харьковѣ. Безъ красивыхъ фразъ, безъ апломба столичнаго дѣятеля, онъ серьезно и внимательно изучилъ малѣйшія детали интересовавшаго его дѣла. Онъ не только присутствовалъ на урокахъ, не только посѣщалъ наши педагогическія собранія, но каждая отчетная тетрадка, каждый статистическій бланкъ привлекали его вниманіе. Собственно говоря, Харьковъ не могъ дать ему ничего новаго,—это былъ человѣкъ вполне сложившійся, съ установившимися убѣжденіями, съ педагогическимъ опытомъ, со свѣтлыми планами, постоянно созрѣвавшими въ его свѣтлой головѣ, но его посѣщеніе провинціального города Харькова какъ-то согрѣло всѣхъ насъ и ободрило.

По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ открылъ тамъ воскресную школу на Шлиссельбургскомъ трактѣ. Впрочемъ, говоря «школу», я выражаюсь неправильно: Николай Александровичъ организовалъ у себя цѣлый рядъ воскресныхъ школъ, мужскихъ и женскихъ, для подростковъ и взрослыхъ, съ цѣлымъ сонмомъ учителей и учительницъ. Получивъ самъ университетское образованіе, Н. А. свято чтилъ науку и придавалъ огромное значеніе образованности. Вотъ почему, всматриваясь въ составъ преподавателей всѣхъ воскресныхъ школъ въ Россіи, мы видимъ только въ воскресныхъ школахъ Фарфоровскаго попечительства людей исключительно съ высшимъ образованіемъ. А какъ подобные люди нужны народу, какъ сознательно идутъ они служить ему, какъ умѣло и толково отвѣчаютъ на его духовные запросы!.. Н. А. какъ нельзя лучше сознавалъ это и глубоко цѣнилъ своихъ друзей—товарищей по дѣлу. Вся душа его была отдана этому дѣлу, но, входя въ школу, вы не видѣли ни инициатора, ни распорядителя: какой-то симпатичный человѣкъ, съ умными и добрыми глазами и широкой добродушной улыбкой, суетился и бѣгалъ по школѣ съ дневниками, бумагами, отчетами. Онъ силился, такъ сказать, обнять весь строй школьной жизни и вдохнуть въ него душу живу.

Находясь подъ впечатлѣніями тяжелой утраты и пересматривая мои школьные дневники, я встрѣтила нѣсколько страницъ, посвященныхъ школѣ Н. А. Варгунина въ первый годъ ея существованія (1882 г.). Вотъ что писала я тогда:

«Побывавъ въ школѣ Варгунина, я узнала, что въ 1 день записалось 150 учениковъ отъ 15 до 40-лѣтняго возраста; второе и третье воскресенье посѣщались довольно аккуратно и охотно; четвертое же воскресенье заставляло задуматься, соберутся ли на этотъ разъ ученики, такъ какъ со дня открытія школы рабочіе на фабрикахъ въ первый разъ получали жалованье (событіе, сопровождаемое обыкновенно чуть не поголовнымъ пьянствомъ). Я не могла не замѣтить, что Н. А. Варгунина немало волновало это обстоятельство. Онъ уговаривалъ меня остаться до слѣдующаго воскресенья, но мы должны были выѣхать не позднѣе субботы, и я рѣшила быть въ школѣ хотя бы и при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

«Когда мы вошли въ школу въ 12 ч., въ ней не было еще ни одного ученика (въ Петербургѣ воскресныя занятія начинаются въ 1 ч. и оканчиваются въ 4 ч.), но тамъ суетилась уже распорядительница-учительница, очиняя карандаши и сводя счета за покупку перочинныхъ ножей и пр. Въ другой комнатѣ расхаживалъ учитель, человѣкъ не первой молодости, заложивъ руки за спину и, видимо, погруженный въ какія-то соображенія. Въ третьей комнатѣ двѣ молодыя дѣвушки съ розовыми отъ мороза щеками (онѣ только что пріѣхали по конкѣ за 10 верстъ) оживленно спорили съ молодымъ человѣкомъ-учителемъ.

«— Конечно, къ вамъ придутъ,—говорилъ онъ горячо, продолжая начатый споръ,—вѣдь у васъ нѣтъ старше 16 лѣтъ! Въ эти годы рѣдко бываютъ пьяницами!

«Въ 4 комнатѣ мы увидѣли Н. А. Варгунина и двухъ священниковъ-законоучителей школы. Здѣсь тоже продолжался начатый разговоръ. Не желая мѣшать имъ, мы быстро прошли въ другую комнату. Наконецъ появился первый ученикъ, въ розовой рубахѣ, съ краснымъ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ, съ блѣднымъ одутловатымъ лицомъ и

сонливымъ видомъ, лѣтъ 15—16. Мальчикъ этотъ оказался ученикомъ именно той учительницы, которой учитель предрекалъ завистливо удачу. Вслѣдъ за нимъ появился другой, третій, и въ половинѣ перваго, раньше, чѣмъ нужно, образовалась группа въ полномъ своемъ составѣ. Учительница ходила счастливая и улыбающаяся; учитель съ видимымъ нетерпѣніемъ поглядывалъ на входную дверь. Наконецъ потянулись и взрослые, бородатые ученики; они входили чинно, точно въ церковь, широко крестились и тихо садились на мѣста. Въ 1 часъ въ школѣ оказалось около 10 преподающихъ, 70 учащихся и нѣсколько чловѣкъ, заинтересованныхъ дѣломъ и близко стоящихъ къ нему.

«Меня пригласили на урокъ учителя не первой молодости. Предъ нами предстала аудиторія, гдѣ находилось отъ 25 до 30 взрослыхъ людей; всѣ они поступили неграмотными. Рядомъ со смуглымъ чловѣкомъ со впалыми щеками, но богатырскими плечами и грудью, сидѣлъ худощавый малый, такъ прилежно выводившій буквы на доскѣ, что сосѣда его, видимо, разбирала зависть, и, когда я взглянула въ ихъ работу, онъ не выдержалъ и замѣтилъ какъ бы въ свое оправданіе: «Ему хорошо—онъ у станка стоитъ, а у насъ работа кузнечная, тяжелая; черезъ это никакъ съ пальцами не совладаешь!» За ними сидѣлъ мужикъ съ бородой, похожій на кучера, далѣе—толстый, приземистый чловѣкъ лѣтъ сорока. Крупныя капли пота выступили у него не то отъ напряженія, не то оттого, что онъ былъ одѣтъ въ какое-то теплое пальто и подпоясанъ, какъ это дѣлаютъ мелкіе торгаша на морозѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодцеватый парень въ красной рубахѣ и блестящихъ лакированныхъ сапогахъ. Всѣ они напряженно сосредоточились на одной точкѣ—на классной доскѣ и были, очевидно, одушевлены одной цѣлью—научиться грамотѣ. «А отчего твоего товарища нѣтъ?» спрашивалъ учитель пожилого чловѣка, очень приличнаго вида, когда мы вошли въ классъ. Тотъ минуту помолчалъ, собираясь, видимо, съ духомъ, а затѣмъ сказалъ не безъ запинки: «Признаться, вышивши... жена не пустила, говорить: что ты

пойдешь школу срамить!» — «А почему нѣтъ такого-то?» спросилъ учитель, называя ученика по фамиліи и, видимо, довольный, что у него не достаетъ сегодня всего 2—3 учениковъ. «Въ рекруты взяли, гуляетъ», отозвался кто-то печально.

«Учитель подошелъ къ классной доскѣ и начертилъ букву. «Что это такое?» — «М», пробасила аудиторія. Онъ написалъ другую. «А это?» — «а». — «Вмѣстѣ?» — «Ма». Учитель поставилъ черточку. «Это?» — «ша». — «Это?» — «а». — «Вмѣстѣ?» — «ша». — «Прочитайте все слово». — «Ма-ша», читали раздѣльно, но сознательно ученики. «Теперь напишемъ другое слово». — «Напишемъ», отозвался кто-то, весь погруженный, очевидно, въ работу. «Это?» — «ш». — «Это?» — «и». — «Вмѣстѣ?» — «ши». — «Это?» — «л». — «Это?» — «а». — «Вмѣстѣ?» — «ла». — «Прочитаемте все вмѣстѣ». — «Ма-ша ши-ла». — «Что вышло?» — «Маша шила», произносятъ ученики вполне сознательно и довольные результатами работы. То же было написано у нихъ и въ тетрадяхъ. Учитель придерживается «Новой азбуки» Толстого и, очевидно, слѣдуетъ буквослагательному способу. На каллиграфію онъ не обращаетъ вниманія, и потому ученики пишутъ некрасиво. Но кто былъ у него въ классѣ, кто видѣлъ оживленіе, которое не покидаетъ его ни на минуту, кто слѣдилъ, какъ умѣетъ онъ ободрить, обласкать взрослого человѣка, тотъ проститъ ему это отсутствіе новшествъ, тѣмъ болѣе, что его многочисленная аудиторія на пятое воскресенье вполне сознательно читаетъ и пишетъ фразы въ два и три слова, составленныя, разумѣется, изъ знакомыхъ ей буквъ. Что же дѣлаетъ этотъ учитель съ пропустившими или отставшими учениками, чтобы они не тормозили класса? О, на это у него много средствъ: во-первыхъ, каждое воскресенье одинъ часъ онъ посвящаетъ исключительно повторенію пройденнаго; во-вторыхъ, предлагаетъ болѣе слабымъ ученикамъ оставаться послѣ четырехъ часовъ и, наконецъ, совѣтуетъ забѣгать къ кому-либо изъ преподающихъ на часокъ, другой вечеромъ въ продолженіе недѣли. И вотъ, такъ или иначе, вы видите передъ собою совершенно ровный классъ. «Слушайте, ребята,—говоритъ учитель на второмъ часѣ,

обращаясь вполне дружески къ своей аудиторіи, — подождемъ, что ли, товарищей, которые нынче не пришли, или нѣтъ?» — «Зачѣмъ ждать, не нужно», замѣчаетъ одинъ изъ учениковъ. «Они будутъ баловаться, а ты жди!» добавляетъ другой. «Нѣтъ, ужъ вы дальше покажите, сдѣлайте милость!» говоритъ третій. «Какъ еще двѣ буквы узнаемъ, веселѣе дѣло поидеть!» добавляетъ четвертый. «Я и самъ, братцы, признаться сказать, такъ думаю, — замѣчаетъ учитель и идетъ притворить дверь въ другую комнату, откуда доносится громкій голосъ учителя. — Слышите, тамъ «молодецъ» кому-то говорятъ; значить, хорошо идетъ!» говоритъ онъ весело. «Нѣтъ, я такъ замѣчаю, что у насъ *тверже* идетъ», отвѣчаетъ одинъ изъ пожилыхъ учениковъ съ чувствомъ гордости за свой классъ. «Выходите, господа, по очереди къ доскѣ», говоритъ дружески учитель. Первымъ выходитъ старательный кузнецъ съ одеревянѣлыми пальцами. Онъ беретъ мѣлъ, нервно улыбается и не рѣшается поднять руку для проведенія первой черты. «Ничего, ничего, смѣлѣе!» — одобряетъ его учитель, похлопывая пріятельски по плечу. — Ну, не такъ выведешь, что за бѣда! Разъ не такъ, другой не такъ, а послѣ и такъ. Сразу ничему нельзя научиться». Кузнецъ рѣшается и выводитъ пребезобразную букву, но никто не смѣется, каждый погруженъ въ собственныя каракули на тетрадахъ.

«Арифметикѣ учитель тоже учить по-своему: каждый ученикъ вооруженъ счетами, а учитель — кускомъ мѣла. Онъ пишетъ на классной доскѣ то, что ученики кладутъ на счетахъ, объясняетъ значеніе мѣстъ въ нумераціи, значеніе нуля, и, такимъ образомъ, ученики дошли теперь, въ пятое воскресенье, до 1.000 и, къ своему величайшему удовольствію, умѣютъ писать ее.

«Ознакомясь въ достаточной степени съ пріемами преподаванія талантливаго учителя, я перешла въ смежный классъ. Тутъ занималась одна изъ опытныхъ учительницъ городскихъ школъ, не первой молодости. Группа ея состояла изъ подростковъ и взрослыхъ. Она толково и увѣренно вела классъ. Въ эту минуту дверь пріотворилась; какая-то полупьяная фizioномія заглянула въ нее и, сдѣ-

лавъ учительницѣ вызывающій знакъ рукою, притворила дверь. Учительница быстро подошла и спросила: «Что вамъ нужно?»—«Простите, матушка,—говорилъ почтительно сильный голосъ,—нездоровъ я сегодня, хмеленъ; только вы меня, Бога ради, не вычеркивайте: будь я проклятъ—приду въ будущее воскресенье!» Онъ тихонько притворилъ дверь и скрылся. Урокъ кончался. Мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть, что дѣлается у учителя, и я вошла въ его классъ. Онъ предлагалъ своимъ ученикамъ оставаться для занятій на 4 часъ. Оказалось, что желаютъ остаться не только отстающіе, а и весь классъ, за исключеніемъ одного, который, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, сказалъ почтительно, какъ маленькій ребенокъ: «Позвольте мнѣ домой уйти: я въ 4 часа гостей къ себѣ позвалъ!»—«Ступайте,—сказалъ весело учитель,—мы будемъ повторять только старое».

Беру еще одну выдержку изъ своего дневника уже за 1889 г., когда я вторично посѣтила воскресную школу Н. А. Варгунина.

«За длиннымъ столомъ, окаймленнымъ скамьями, сидѣло 18 взрослыхъ учениковъ, возрастомъ отъ 20 до 40 лѣтъ. Здѣсь были и безбородые еще парни, и мужчины съ бородами и даже съ просѣдью, и щегольскія синія поддевки, и высокіе сапоги, и потертые пиджаки, и пальто. Однообразие замѣчалось только въ поворотѣ головы и въ пристально сосредоточенномъ взглядѣ, обращенномъ къ учительницѣ. Передъ классомъ стояла женщина лѣтъ подъ 30, брюнетка, съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ. На столѣ были разложены какіе-то камешки, куски гранита и угля. Она держала въ рукахъ одинъ изъ этихъ кусковъ и объясняла классу его происхожденіе и значеніе. Если хотите, ея оживленный и вдохновенный урокъ носилъ характеръ лекціи, но это не былъ лекторъ-педантъ, недоступный своей аудитории; слушатели безпрестанно останавливали ее дѣловыми вопросами и разъясненіями, да и сама учительница, чуткая къ педагогическимъ диссонансамъ, тотчасъ останавливала себя и придавала болѣе популярную форму тому, что прозвучало ей непонятнымъ въ ея собственной литературной

рѣчи или научномъ объясненіи. «Попробуй, какая изъ двухъ солей солонѣе», говоритъ одинъ взрослый ученику другому, подвигая къ нему два куска. «Эхъ, господа, не нашла я для васъ образца гранита, какого искала!» замѣчаетъ учительница, рассматривая принесенную коллекцію камней. «Благодаримъ и за это, Евгенія Александровна», отвѣчаетъ ей чуйка съ бородой. «Нешто мы не видали колоннъ въ Исакиевскомъ соборѣ!» поясняетъ его сосѣдь.

«Въ это время, пошатываясь и опираясь на себѣ истрепанный сюртукъ, входитъ еще одинъ ученикъ, лѣтъ за 40, съ большой лысиной на головѣ и нѣсколькими уцѣлѣвшими клочьями рѣдкихъ волосъ. Онъ, очевидно, сильно пьянъ, и его умное сморщенное лицо улыбается какъ-то робко и сконфуженно. «Эхъ, Бережковъ, Бережковъ!» говоритъ матерински-укоризненно учительница, покачивая головой. Бережковъ плетется дальше и садится поодаль отъ другихъ, опустивъ сконфуженно голову. Урокъ продолжается. Учительница снова овладѣла вниманіемъ класса и образно и съ увлеченіемъ объясняетъ о доменныхъ печахъ. «Хорошо ли допускать въ классъ пьянаго человѣка? «резонирую я въ это время мысленно, сравнивая школу съ церковью и требуя къ ней тѣхъ же почтительныхъ отношеній. А Бережковъ, между тѣмъ, оправившись отъ перваго конфуза и увлеченный рассказомъ учительницы, поднялъ уже самоувѣренно голову и силится вмѣшаться съ собственнымъ объясненіемъ знакомаго ему, очевидно, дѣла. «Помолчите, Бережковъ, ужъ вамъ нечего нынче много разговаривать», останавливаетъ его дружески учительница. Но ученикъ не унимается: глаза его горятъ лихорадочнымъ огнемъ, щеки покрываются чахоточнымъ румянцемъ, и онъ безцеремонно перебиваетъ рѣчи своими блестящими отвѣтами и разъясненіями. «И чего учишь!» огрызается, наконецъ, парень съ туповатымъ, одутловатымъ лицомъ. «Тебя, что ли, пришли слушать сюда!.. Мы пришли слушать Евгенію Александровну, а не тебя». — «Перестаньте лучше, Бережковъ, — говоритъ кротко учительница. — Въ другой разъ будемъ разговаривать». Ученикъ умолкаетъ и только лукаво улыбается каждый разъ, когда другіе молчатъ или даютъ неудачные

отвѣты. «Вотъ видите, Евгенія Александровна,—отзывается онъ, наконецъ, въ одну изъ такихъ паузъ,—я бѣ вамъ отвѣтилъ, а вы приказали молчать, вотъ я и молчу». Его впалые глаза опять загораются лихорадочнымъ блескомъ, и, глядя на это умное сморщенное лицо, подернутое саркастической улыбкой, мнѣ кажется, что передо мной гениальный человѣкъ, и я безконечно понимаю учительницу, допустившую его на этотъ урокъ. Въ эту минуту Бережковъ судорожно схватывается за грудь, и приступъ кашля, зловѣщаго, чахоточнаго кашля, потрясаетъ всю его худую, сгорбленную фигуру. «Не дать ли вамъ воды, Бережковъ?» говоритъ ему участливо учительница, и, глядя на нее, мнѣ невольно вспоминается война и сестры милосердія. «А жизнь—не та же ли война?—скорбно думается мнѣ.—Не та же ли это борьба съ нищетой, порокомъ и страданіемъ и не нужны ли въ ней также сестры милосердія?..»

«Измученный до послѣдней крайности приступомъ кашля, Бережковъ припадаетъ головой къ столу, и трудно рѣшить, спитъ онъ или нѣтъ, между тѣмъ, какъ сестра милосердія, вѣрная своему призванію, продолжаетъ вести урокъ и говорить о золотѣ. «Золото, золото...—бормочетъ невнятно Бережковъ.—Много горя на свѣтѣ отъ этого золота.. добываютъ его съ горемъ въ землѣ, добываютъ его съ горемъ на землѣ; должно-быть, самъ дьяволъ придумалъ его...» И онъ опять бессильно опускаетъ голову и какъ будто спитъ. «Не серебро, а серебрó», поправляетъ онъ опять кого-то. Между тѣмъ учительница, предпославъ чтенію свою прекрасную бесѣду, раздаетъ ученикамъ книгу Баранова и указываетъ страницу, на которой написано: «Кремень и другіе камни». «Глина». «Почва». «Соль». «Металлы». Ученики начинаютъ читать медленно-премедленно, сбиваясь и коверкая слова. «Неужели это малограмотные люди?—съ удивленіемъ думается мнѣ.—Неужели и Бережковъ, произнесшій чуть не лекцію о доменныхъ печахъ, тоже малограмотенъ? Откуда же эти блестящіе отвѣты, доказывающіе умъ и развитіе, эта наблюдательность къ явленіямъ природы и всему, насъ окружающему, это уваженіе къ наукѣ и словамъ наставницы? Неужели все это почерп-

нуто изъ книги жизни и вызвано умѣлымъ преподаваніемъ учительницы, и кто она, наконецъ, эта учительница; откуда въ ней самой столько энергіи и жизни, соединенныхъ съ достоинствомъ, простотой и увѣренностью? Въ ней нѣтъ ни нервности, ни обычныхъ слѣдовъ педагогическаго переутомленія, ни малѣйшей рутинности въ приѣмахъ, ни раздражительности въ методѣ преподаванія. Откуда все это?.. Нѣтъ, это не просто хорошая учительница, это—человѣкъ, увлеченный излюбленнымъ дѣломъ, человѣкъ, не надломленный жизнью, человѣкъ—учитель по призванію.

«Совершенно очарованная, я вышла изъ класса и подѣлилась громко, при всѣхъ, своими впечатлѣніями съ Н. А. Варгунинымъ.

«Занятія кончились. Я вошла въ общую комнату и застала такую картину: всѣ учителя и учительницы громко разговаривали о пьесахъ Островскаго и о томъ, какую изъ нихъ легче поставить на домашнемъ спектаклѣ въ пользу школы. Николай Александровичъ говорилъ кому-то о значеніи народнаго театра и доказывалъ, что народу нужна не только школа, но и разумныя праздничныя развлеченія».

Мечта его осуществилась. Но въ тотъ день, какъ происходила реальная закладка того, что было его мечтой, не стало радѣтеля народной нужды, не стало дорогого для всѣхъ насъ и глубокочтимаго Николая Александровича. Онъ умеръ одинокимъ человѣкомъ, но какъ велика семья его друзей, почитателей, послѣдователей, какъ искренни, горячи и сознательны слезы, пролитыя надъ его свѣжей могилой!..

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Н. А. Варгунина я поѣхала въ Петербургъ; въ моемъ докладѣ объ этой поѣздкѣ слѣдующія строки посвящены Н. А.:

Петербургскіе друзья оберегали меня отъ всякаго рода непріятностей и, очевидно, изъ пребыванія моего въ Петербургѣ хотѣли устроить праздникъ. Но жизнь врывается насильственно съ тяжелыми впечатлѣніями, и однимъ изъ такихъ впечатлѣній явился рассказъ о преждевременной смерти Н. А. Варгунина. Онъ давно страдалъ болѣзнью сердца, но это сердце, быть-можетъ, долго билось бы еще

любовью къ человѣчеству и состраданіемъ ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, если бы въ области Фарфоровскаго попечительства, на фабрикахъ и заводахъ, близкихъ Варгунину, не произошли стачки рабочихъ. Въ движеніи этомъ оказалось немало взрослыхъ учениковъ-воскресниковъ. Меньше всего въ этомъ можно было обвинить Н. А. Варгунина. Фанатически преданный дѣлу народнаго образованія, онъ до комизма былъ пугливъ и остороженъ. Помню, какъ-то давно, лѣтъ 6—7 тому назадъ, такой характерный случай. Подъ вліяніемъ покойнаго Жана Маса я мечтала осуществить въ Россіи международную лигу образованія и силилась пропагандировать это дѣло среди хорошихъ людей. По пріѣздѣ въ Петербургъ я послала записку Варгунину, въ которой приглашала его записаться въ члены будущей лиги. Не прошло и получаса, какъ Н. А., блѣдный и встревоженный, вошелъ въ мой салонъ. Мы были одни, и онъ могъ говорить совершенно свободно. «Христина Даниловна, что вы затѣяли?! — говорилъ онъ взволнованно, крѣпко сжимая мнѣ руку. — Вѣдь мы съ вами единомышленники; намъ важно, чтобы такъ или иначе насъ не оторвали отъ школьнаго дѣла, отъ просвѣщенія массъ. Къ чему же эта лига, столь прекрасная въ идеѣ и столь невозможная въ Россіи при нашей подозрительной администраціи? Ради Бога, оставьте это! Вотъ вамъ 100 руб.; отправьте ихъ Жану Маса, какъ лепту съ моей стороны на доброе дѣло, но, Христа ради, не записывайте меня въ члены!» Помню, какъ сейчасъ, эту радужную бумажку, оставленную на моемъ столѣ Варгунинымъ, и то горькое чувство, которое наполняло всю меня по уходѣ этого истаго россиянина. Страхъ его казался мнѣ тогда преувеличеннымъ и даже комичнымъ: теперь же онъ получилъ въ моихъ глазахъ самую трагическую окраску.

Кромѣ стачекъ рабочихъ, испугавшихъ правительство, въ заграничныхъ органахъ была напечатана восторженная статья, посвященная Н. А. Варгунину, какъ выдающемуся общественному дѣятелю. И вотъ однажды, въ глубокую полночь, жандармы неожиданно ворвались подъ мирную кровлю Варгунина.

Н. А. былъ одинокимъ человѣкомъ, но и у него были свои личныя нѣжныя привязанности въ образѣ маленькой бѣлокурой дѣвочки, доставшейся ему въ наслѣдство отъ любимой покойной сестры. Сестра умерла отъ чахотки совсѣмъ молодой женщиной и вмѣстѣ со своими нѣжными чертами лица и со своей душевной чистотой передала ребенку слабость, нервность и впечатлительность. Чтобы отходить это нѣжное существо и укрѣпить по мѣрѣ возможности его силы, Н. А. пригласилъ идеальную старушку-тетю и, вручивъ ея попеченіямъ дѣвочку, поселилъ ихъ заграницей. Годъ, проведенный въ теплыхъ краяхъ, имѣлъ благотворное вліяніе на ребенка, и дѣвочку привезли въ Петербургъ въ квартиру Н. А. съ нѣжно порозовѣвшими щечками и пополнѣвшимъ личикомъ. Лучшая комната въ домѣ была отдана ей, этому любимому существу. Свѣтлыя драпри, розовые обои, иллюстрированныя изданія, парижскія игрушки,—все говорило о чисто материнской любви.

И вотъ у двери этой комнаты, этой «святая святыхъ», стояло нѣсколько чужихъ людей—жандармовъ съ тупыми фizioноміями и безсердечіемъ грубыхъ невѣжественныхъ людей... Нѣтъ, онъ не пуститъ ихъ въ эту комнату, онъ защититъ это нѣжное, больное дитя, онъ унижится, онъ упроситъ, онъ отстоитъ силою! Пусть отрываютъ они всюду доски половъ, какъ отрывали въ предыдущихъ комнатахъ; пусть рожутся во всѣхъ его интимныхъ письмахъ и бумагахъ; пусть посягаютъ на всѣ его сокровища,—лишь бы ему отстоять эту завѣтную комнату...

Но именно это волненіе, эта боязнь и просьбы возбуждаютъ подозрѣніе «синихъ» людей, и они входятъ въ «святая святыхъ» безъ всякой опаски и осторожности. Вмѣсто лампадки, висящей въ углу, вспыхиваютъ свѣчи; вмѣсто ночной тишины раздаются удары, говоръ, шумъ... Еще минута—и дѣвочка, вся перепуганная и трепещущая при видѣ этихъ чужихъ людей и блѣднаго лица дяди, истерически рыдаетъ въ своей розовой постелькѣ, а старая тетя, понявшая вдругъ весь ужасъ происшествія, стоитъ передъ жандармами, точно грозный призракъ, въ одной бѣлой ночной рубахѣ.

«Не угодно ли вамъ одѣться, сударыня!» предлагаетъ одинъ изъ охранителей общественной нравственности. «Одѣться?..—возражаетъ она.—Да развѣ вы люди?.. Слыхали ли вы, что въ старину помѣщики не считали за людей своихъ рабовъ и ни малѣйшимъ образомъ не стѣснялись ихъ присутствіемъ? Они были неправы, поступая такъ; но я права, презирая васъ и ваше гнусное ремесло!..»

«Пожалуйте ключи отъ шкафовъ», обратился къ ней развязно другой жандармъ. «Вотъ они! — сказала злобно женщина, подавая связку ключей. Но когда вы будете рыться въ нашихъ фамилльных драгоцѣностяхъ, принадлежавшихъ этому ребенку по наслѣдству,—я буду стоять тутъ же, такъ какъ человѣкъ, роющійся въ чужихъ сундукахъ, способенъ на все»...

А въ то время, какъ смѣлая женщина сражалась съ жандармами и говорила имъ дерзости, въ смежной комнатѣ бѣдный впечатлительный Н. А. ломалъ себѣ руки и говорилъ, рыдая: «Я не сумѣлъ уберечь, я не сумѣлъ оградить ихъ!»—и его больное сердце разрывалось на части.

Было утро, а жандармы все еще рылись подъ мирнымъ кровомъ Варгунина, не находя тамъ ни одной запрещенной строки. Народъ густою толпою окружилъ этотъ домъ и стоялъ, понуря голову. Между народомъ виднѣлась и интеллигенція. Что думала эта толпа, эти рабочіе въ то время, какъ оскорбляли и позорили ихъ благодѣтеля?! Что думали интеллигентные люди, содѣйствовавшіе, быть-можетъ, стачкѣ на фабрикахъ, и не казалось ли имъ все это происшествіе огромной непростительной ошибкой?!

Припадокъ сердца длился на этотъ разъ у Н. А. дольше обыкновеннаго, но искусству докторовъ удалось привести его къ жизни. Онъ ѣздилъ къ градоначальнику, протестовалъ, объяснялся. Градоначальникъ успокаивалъ его, утѣшалъ, говорилъ, что во всемъ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. Друзья также утѣшали Варгунина и ѣздили къ нему. Но припадки сердцебіенія повторялись все чаще и чаще, и 8 сентября онъ покончилъ свои расчеты съ жизнью, которая такъ жестоко и несправедливо истерзала его.

Памяти Е. И. Цвѣтковой.

(Умерла 5 декабря 1911 г.)

Возникновеніе частной женской воскресной школы учительницъ въ Харьковѣ относится къ эпохѣ общаго пробужденія русской жизни въ 60-хъ годахъ. Извѣстно, съ какою энергіей, увлеченіемъ и горячностью интеллигентное общество того времени отнеслось къ воскреснымъ школамъ. Но—увы!—дни ихъ были сочтены, и школы были закрыты. Однако ядро одной изъ нихъ перенесено было въ частную квартиру, и занятія продолжались до того времени, когда вышло разрѣшеніе вновь открывать воскресныя школы.

Дружный и сплоченный кружокъ харьковскихъ учительницъ рѣшилъ стать на легальную почву и энергично хлопотать о разрѣшеніи школы. Но это было не такъ легко, какъ казалось съ перваго взгляда. Рядъ препятствій самыхъ неожиданныхъ выросъ передъ нами, и самое главное—это вопросъ о распорядительницѣ школы. Когда мы подали списокъ лицъ, долженствующихъ участвовать въ ней, оказалось, что въ списокъ этомъ не имѣется ни одного лица достаточно солиднаго, чтобы стать во главѣ такого дѣла, какъ воскресная школа. Такъ было сказано въ официальной бумагѣ; частнымъ же образомъ инспекторъ народныхъ училищъ, человѣкъ очень мягкій и гуманный, рекомендовалъ намъ обратиться къ кому-нибудь изъ администраціи и просить содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Какъ на подходящее лицо, онъ указалъ на правителя канцеляріи губернатора М. П. Цвѣткова. Мы обратились къ нему съ нашимъ ходатайствомъ, а онъ указалъ намъ на свою жену, не обнадеживъ насъ окончательно и говоря: «Она такъ скромна и застѣн-

чива, что вряд ли рѣшится выступить на общественное поприще!» И дѣйствительно, намъ стоило немалого труда уговорить нерѣшительную Елизавету Ивановну принять участие въ нашемъ дѣлѣ, хотя она, повидимому, всѣмъ сердцемъ сочувствовала ему. Особенно страшило ее то обстоятельство, что она будетъ называться учредительницей и распорядительницей дѣла, инициатива котораго принадлежит не ей. Тѣмъ не менѣе послѣ нашихъ общихъ горячихъ просьбъ и угрозъ, что въ случаѣ ея отказа дѣло не состоится, она чуть не со слезами согласилась на это¹⁾.

Зато и любили мы нашу милую, умную, скромную распорядительницу! Держала она себя чисто по-товарищески. «Mesdames!—говорила она, обращаясь ко всѣмъ намъ,—позвольте мнѣ отлучиться домой покормить Сашу? Черезъ часъ я непременно возвращусь въ школу», и мы съ улыбкой и любовью давали ей отпускъ, и, дѣйствительно, черезъ часъ она возвращалась розовая и веселая и съ двойнымъ усердіемъ принималась за трудъ.

Не считая себя по существу распорядительницей школы, она постоянно страшилась превысить свою власть, чего никто, кромѣ нея, не боялся. Всѣ учительницы уважали и любили ее точно такъ же, какъ и ученицы. Кромѣ другихъ качествъ въ глазахъ ученицъ, привлекали еще къ ней прирожденная ей религіозность и традиціи, вынесенныя изъ дома ея отца—протоіерея. Но эта религіозность была какая-то милая, свѣтлая, симпатичная, выражающаяся во всепрощеніи и добрыхъ дѣлахъ. Эта религіозность заставляла уважать и любить ее не только ученицъ, но даже человѣка-скептика, потерявшаго вѣру.

Работала Елизавета Ивановна для воскресной школы, не покладая рукъ, и являлась всегда ея ревностной защитницей противъ лжи и клеветы. И когда мужъ ея былъ переведенъ въ Москву, мы не могли безъ слезъ говорить объ этомъ и чувствовали, что утратили въ ней самаго близкаго и вѣрнаго друга. Но дѣло воскресной школы слишкомъ захватило ее, чтобы въ Москвѣ она могла почить на лав-

1) Подробнѣе въ дневникѣ 1871—72 г., см. стр. 35.

рахъ. Она открыла тамъ самостоятельно первую частную женскую воскресную школу, а за нею потянулись и другія, благополучно существующія понынѣ. Елизавета Ивановна утверждала всегда, что, если бы не Харьковъ, она никогда и ничего не сдѣлала бы въ жизни; но это невѣрно! Ея богато одаренная душа всегда нашла бы выходъ изъ скромной семейной жизни и принесла бы блага человѣчеству. Свою единственную дочь Сашу она повела по тому же пути, и уже въ 16 лѣтъ мы видѣли ее въ Московской воскресной школѣ, воодушевленно преподающую среди толпы взрослыхъ ученицъ. Елизавета Ивановна ужасно не любила эффектовъ, и если бы она прочла о себѣ что-либо въ газетахъ, она чувствовала бы себя сконфуженной и обиженной, и, насколько мнѣ извѣстно, никогда, никто и ничего не писалъ объ этой скромной труженицѣ; скажемъ же мы теперь, ея друзья и сотоварищи по дѣлу, — теперь, когда ея нѣтъ уже между нами, что это была женщина рѣдкой души и сердца, о которой сохраняются самыя свѣтлыя воспоминанія у всѣхъ, кто имѣлъ счастье встрѣтиться съ нею на жизненномъ пути.

Беру изъ своихъ дневниковъ за 1889—90 гг. слѣдующіе два отрывка, посвященные Е. И. Цвѣтковой:

При московскихъ разстояніяхъ мы прибыли въ школу Цвѣтковой только на послѣдній часъ. Лучи солнца весело врывались въ большія окна, и все помѣщеніе какъ будто ликовало и улыбалось привѣтливой улыбкой. Порядокъ въ школѣ былъ удивительный: симметрично, хотя и густо, разставленныя скамьи были заполнены 5—6 ученицами, и передъ каждой изъ нихъ стояла учительница, всецѣло погруженная въ свою работу.

Несмотря на этотъ образцовый порядокъ, школа носила на себѣ какой-то семейный характеръ; видно было, что ученицы, входя въ интересы общаго дѣла и совершенно понимая окружающія ихъ условія, стараются не кричать, не шумѣть, не предлагать излишнихъ вопросовъ и жадно ловятъ каждое слово учительницы.

Я заглянула въ записную тетрадь на первой скамьѣ и была поражена той аккуратностью и вниманіемъ, съ которыми ведется она. Въ тетради говорилось, сколько ученицъ было въ прошлое воскресенье, сколькихъ не доставало и почему, чѣмъ занималась учительница всѣ 4 часа и что удалось и не удалось ей въ этихъ занятіяхъ. Очевидно, замѣтки эти составлялись дома подѣ свѣжими впечатлѣніями, однако, занятій въ школѣ и носили на себѣ яркій отпечатокъ искренней заинтересованности дѣломъ.

«Вотъ если бы у насъ велись такъ записи!» невольно подумала я, перелистывая эту чистенькую и опрятную тетрадочку.

Въ этой первой комнатѣ, занимались: дочь Елизаветы Ивановны, Саша, которую я знала съ колыбели, и все боялась, какъ бы она не вышла кисейной барышней; В. С. Костромина, съ которой я давно была знакома по перепискѣ, и еще какая-то незнакомая мнѣ учительница. Разсматривая записную тетрадь Саши и слѣдя за той безграничной лаской, съ какой относилась она къ своимъ пожилымъ ученицамъ, я сказала ей съ умиленіемъ: «Сегодня я навѣки снимаю съ васъ кисею!»

Она улыбулась мнѣ въ отвѣтъ своей доброй улыбкой и снова съ материнской заботой припала къ тетрадкамъ ученицъ.

В. С. Костромина вела серьезно бесѣду по поводу прочитаннаго и ставила удачные наводящіе вопросы, помогавшіе ученицѣ ориентироваться въ исчерпанномъ матеріалѣ.

Третья учительница вела диктовку.

Мы перешли въ другую комнату. Размѣры этой комнаты вдвое превышали предыдущую, и въ ней гораздо больше было учительницъ и группъ, но тотъ же порядокъ, тотъ же характеръ отношеній, та же тишина и сосредоточенность, возможныя при данныхъ условіяхъ.

Въ третьей и послѣдней маленькой комнаткѣ помѣщался старшій классъ.

Семейный характеръ общему строю школы, мнѣ кажется, придавала больше всего сама Елизавета Ивановна.

— Посмотрите на нее, — говорила она, напр., чисто по-матерински, дотрогиваясь до плеча молодой дѣвушки-учительницы. — Не правда ли, она ужасно похожа на меня, когда я была молодой и начала заниматься у васъ въ школѣ?

«А вотъ эта ученица, — это у насъ дорогая ученица, — объясняла она мнѣ добродушно тутъ же при ней и разсказывала, какъ, когда и при какихъ условіяхъ поступила она въ школу.

Я такъ утомилась чтеніемъ въ теченіе всего вечера своего доклада, что на другой день лежала бездыханная на кушеткѣ въ состояніи полной апатіи — всѣ человѣческія чувства и ощущенія какъ-то замерли во мнѣ. Добрѣйшая Е. И. Цвѣткова сидѣла надо мною въ качествѣ сестры милосердія и силилась развлечь меня. Очевидно, ее страшила мысль, что я окончательно расхвораюсь къ вечеру и не въ силахъ буду принять, какъ слѣдуетъ, общество трехъ воскресныхъ школъ.

— Поѣдемте покататься, Христина Даниловна, — сказала она, наконецъ. — Погода такая прекрасная, возьмемте санки, быть-можетъ, это освѣжитъ васъ! — Я нехотя согласилась. Но когда послѣ специфическаго запаха гостиницы «Славянской Базаръ» свѣжій воздухъ охватилъ мою голову и легкій ласкающій вѣтеръ подулъ мнѣ въ лицо, я почувствовала себя несравненно бодрѣе.

— Куда же именно мы поѣдемъ? — возбудила вопросъ Елизавета Ивановна въ то время, какъ мы безцѣльно неслись по прямой линіи.

— А гдѣ теперь Саша? — спросила я, оправляясь нѣсколько отъ своей утренней апатіи.

— Она читаетъ: нынче праздникъ! — отвѣчала мнѣ Елизавета Ивановна.

— Поѣдемте къ ней! — предложила я, окончательно возвращаясь къ жизни, и мы помчались дальше, навстрѣчу ласкающему вѣтру и въ облакѣ пушистой метели, заметающей слѣды полозьевъ.

Мы подъѣхали, наконецъ, къ знакомому мнѣ палисаднику, занесенному снѣгомъ, и направились черезъ ворота къ ма-

ленькому домику въ глубинѣ двора. Домикъ этотъ былъ знакомъ мнѣ десятки лѣтъ: въ немъ на моихъ глазахъ и за мою память одно поколѣніе смѣнилось другимъ, старики сошли въ могилу, а маленькій ребенокъ-дѣвочка, у которой я была на крестинахъ, превратился въ умную, добрую, честную дѣвушку, вносящую благо въ жизнь. Но хороши были и старики въ свое время! Я помнила ихъ, этихъ братьевъ Цвѣтковыхъ, еще молодыми людьми въ Курскѣ, въ провинціи, въ захолустьѣ. Появленіе ихъ на горизонтѣ провинціального общества произвело цѣлую сенсацію. О нихъ говорили, ихъ приглашали, ими дорожили, какъ чѣмъ-то новымъ, цѣннымъ, желательнымъ и, дѣйствительно, они внесли за собой въ это сонное общество струю новой жизни, новыхъ идей и стремленій. Я и сама тогда была почти ребенокъ и не могла отнестись къ нимъ съ подобающимъ анализомъ, но впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, прекраснаго, благороднаго оставило глубокой слѣдъ въ душѣ и превратилось въ сознательное чувство уваженія при позднѣйшей встрѣчѣ съ ними на жизненномъ пути. Тогда же я потеряла ихъ изъ виду, вышла замужъ и уѣхала въ Харьковъ. Во время моихъ мытарствъ по поводу открытія воскресной школы мнѣ указали на правителя канцеляріи губернатора, какъ на добраго генія, способнаго реализовать мою мечту. Этимъ добрымъ геніемъ оказался М. П. Цвѣтковъ. Въ груди правителя канцеляріи, чиновника, было попрежнему горячее сердце отзывчиваго на добро человѣка, и школа была открыта, несмотря на препятствія со стороны поборниковъ народнаго просвѣщенія. Е. И. Цвѣткова стала хранительницей ея отъ всѣхъ жизненныхъ бурь и невзгодъ и долго стояла настражѣ этого честнаго учрежденія. Вотъ тогда-то именно и родилась маленькая дѣвочка Саша, къ которой я входила въ эту минуту въ тѣсненькую и темненькую переднюю знакомаго домика. Зато въ сосѣдней комнатѣ какъ показалось мнѣ свѣтло и тепло! Длинный столъ былъ накрытъ чистой, какъ серебро, скатертью, множество чашекъ стояло симметрично рядами на огромномъ подносѣ, груды хлѣба возвышались надъ всѣмъ остальнымъ, и мѣдный самоваръ блестѣлъ и сіялъ,

какъ будто радуясь всей этой обстановкѣ. Не менѣ сіяли и грубыя, здоровыя лица дѣвушекъ, усѣвшихся за этимъ столомъ и такъ просто, естественно, любовно ведущихъ бесѣду съ молодой хозяйкой. Да и мила жъ была въ эту минуту она — эта молодая хозяйка! Всегда ровная, спокойная, уравновѣшенная, она, очевидно, волновалась и находилась въ нервномъ возбужденіи человѣка, совершающаго въ тиши какую-то скромную, но великую миссію; она вся отдалась, очевидно, желанію выполнить ее съ полной добросовѣстностью и усердіемъ. Вотъ почему щеки ея горѣли, и глаза искрились какимъ-то особеннымъ, восторженнымъ огонькомъ. Въ концѣ стола сидѣла В. С. Костромина съ какой-то связкой книгъ въ рукахъ; она тоже, очевидно, готовилась къ священнодѣйствію и приступала къ нему со страхомъ Божиимъ и вѣрой, — не даромъ такъ серьезно было ея лицо, и грустные глаза смотрѣли строже и сосредоточеннѣе обыкновеннаго. Рядомъ съ нею сидѣла скромная дѣвушка - учительница, намѣревавшаяся устроить спѣвку послѣ чтенія. Все это было въ высшей степени интересно, и я могла бы, конечно, остаться слушать чтеніе, предлагать вопросы, присутствовать на спѣвкѣ, но мнѣ почудилось вдругъ, что я лишняя, что я безцеремонно ворвалась въ это святое святыхъ, что присутствіе мое можетъ показаться вмѣшательствомъ анализирующаго человѣка и внести долю смущенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ было оставаться здѣсь?! Эта живая картина такъ много сказала мнѣ, что все какъ будто исчерпалось и опредѣлилось ею. Не все ли равно, та или иная книга будетъ прочитана, то или иное впечатлѣніе вынесутъ эти милыя дѣвушки, тѣ или иные вопросы предложатся по поводу прочитаннаго? Я знаю одно, что здѣсь сѣютъ добро, прививаютъ честныя мысли и чувства, и этого съ меня вполне достаточно. А, главное, меня душили слезы, — тѣ захватывающія, неудержимыя слезы умиленія, которыя могли показаться странными и необъяснимыми молодой хозяйкѣ и ея простодушной аудиторіи. Я почти выскочила изъ маленькой передней во дворъ, затѣмъ на улицу, утираясь перчатками и тщетно силилась достать изъ-подъ шубы носовой платокъ. Въ это

время къ воротамъ подкатили розвальни, и двѣ здоровыя дѣвушки со щеками, порозовѣвшими отъ мороза, торопливо слѣзли съ нихъ. Одна изъ этихъ дѣвушекъ вытащила ситцевый платочекъ изъ кармана и, быстро развязавъ зубами кончикъ его, достала оттуда два мѣдныхъ пятака и подала ихъ возницѣ. Завидѣвши насъ, обѣ дѣвушки вскрикнули разомъ: «Лизавета Ивановна, не опоздали мы? Мы страсть какъ далеко живемъ, а тутъ еще извозчикъ попался—эле везетъ! Насилу дотащилися!» И дѣвушки залились звонкимъ, безпричиннымъ смѣхомъ, какимъ смѣются въ 16, 17 лѣтъ, предвкушая грядущее удовольствіе, и торопливо направились къ маленькому домику, гдѣ поджидала ихъ гостепріимная хозяйка, радушная бесѣда, молодая подружка и сіяющій мѣдный самоваръ на столѣ.

«Спѣшите, милыя, спѣшите, дорогія!—думала я растроганная, глядя имъ вслѣдъ. — Тамъ вы встрѣтите только доброе, честное, правдивое, что поддержитъ васъ, быть-можетъ, на вашемъ скользкомъ пути бѣдности, соблазна и деморализующихъ вліяній столичной городской жизни». И я съ негодованіемъ припомнила въ эту минуту слова московскаго педагога, которыя произнесъ онъ въ отвѣтъ на слезную просьбу помочь исхлопотать разрѣшеніе на открытіе одной изъ воскресныхъ школъ. «Къ чему эти ваши воскресныя школы? Для воспитанія публичныхъ женщинъ?!» Въ другое время я произнесла бы надъ нимъ проклятіе, но въ эту минуту мнѣ невыразимо хотѣлось ввести его подъ кровлю этого маленькаго, поэтическаго домика и показать все, что происходитъ въ немъ. И мысль моя опять перенеслась къ старикамъ, къ тому «какъ въ этотъ самый домикъ, много лѣтъ тому назадъ, почта приносила первые листы I тома «Что читать народу»; какъ ополчился тогда старикъ Цвѣтковъ противъ дешевыхъ, безцвѣтныхъ изданій, къ которымъ относились мы снисходительно; какъ совѣтовалъ намъ прочесть съ народомъ безсмертныя произведенія друга своего Островскаго и какъ ребячески радовался успѣху этого чтенія. Онъ писалъ намъ потомъ, что замѣтки мои, переданныя имъ Островскому, возбудили въ немъ самый живой интересъ и что онъ радовался имъ, какъ ни-

когда не радовался печатнымъ отзывамъ патентованныхъ критиковъ. Позднѣе М. П. Цвѣтковъ вызвался редактировать отдѣлъ драматическихъ произведеній и написалъ къ нему предисловіе. Онъ шелъ войною противъ безцвѣтныхъ, слащавыхъ твореній для народа тогда, когда объ этомъ не было еще вопроса, и голосъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Все это припомнилось мнѣ и, обращаясь къ Елизаветѣ Ивановнѣ, я сказала голосомъ, прерывающимся отъ слезъ: «Какъ жаль, что Михаилъ Павловичъ не можетъ видѣть своей дорогой Саши!»

«Онъ видитъ ее!» произнесла Елизавета Ивановна съ такимъ беззавѣтнымъ упованіемъ вѣрующаго человѣка, что я какъ-то инстинктивно посмотрѣла вдаль; мнѣ казалось, что въ этомъ туманномъ, сѣромъ небѣ среди пушистыхъ снѣжинокъ, вертящихся въ воздухѣ, нарисовались вдругъ знакомыя черты лица и добрая, умная, ободряющая улыбка, между тѣмъ какъ Елизавета Ивановна говорила съ чувствомъ: «Господи, когда онъ умеръ, какъ страшно мнѣ было подумать, сумѣю ли я воспитать Сашу по его завѣту и желанію!»

Школьные праздники.

Три елки.

(1893 г.).

Я помню елки прежнихъ лѣтъ нашей воскресной школы. Это были небольшія сосны, закопанныя въ позолоченную, какъ орѣхи, кадочку, съ бумажными цѣпями, съ базарными гирляндами цвѣтовъ, съ дешевыми блестящими украшеніями и конфетами въ золотыхъ бумажкахъ. Въ тѣсной комнатѣ вокругъ такой елки собиралось 50—60 дѣтей, подростковъ и взрослыхъ; они пѣли пѣсни, радовались празднику и веселые и счастливые расходились по домамъ съ бумажными пакетами, содержащими въ себѣ на нѣсколько копеекъ лакомствъ. Незатѣйливыя это были елки, незатѣйлива и бѣдна была и моя собственная обстановка; но я была молода, весела, добра, я любила это дѣло такъ же горячо, какъ люблю его теперь, и незатѣйливая елка была окружена для меня цѣлымъ ореоломъ поэзіи. Довольно взглянуть въ мои старые дневники, чтобы удостовѣриться, съ какимъ наивнымъ паѳосомъ описывала я и эту сосну, и эту позолоченную шумихой кадочку, и свое душевное состояніе, полное восторга и умиленія... Но по мѣрѣ того, какъ росло мое матеріальное благосостояніе, росли и хорошѣли рождественскія елки и въ настоящемъ году достигли своего апогеоза. Въ огромномъ залѣ съ лѣпными украшениями по стѣнамъ, при свѣтѣ газа, на роскошной эстрадѣ, покрытой ковромъ, стояла огромная красавица — ель московскихъ лѣсовъ, въ нѣжныхъ цвѣтахъ, напоминающихъ весну въ природѣ, съ блестящими красивыми цвѣтами,

съ изящными разнообразными украшеніями, которыя ежегодно идутъ въ Россію изъ-за границы въ такомъ изобиліи. Направо отъ ели поставленъ былъ большой концертный рояль, придающій всей этой обстановкѣ какой-то особенный интеллигентно-поэтическій характеръ. Зачѣмъ же этотъ рояль и эта ель на эстрадѣ, этотъ футляръ съ віолончелью и этотъ пюпитръ для нотъ и вся эта концертная обстановка?

За эти долгіе годы росло не только мое личное благосостояніе, но росла и школа, и вмѣсто 50—60 человѣкъ мы стали насчитывать 500—600 плюсъ учительницы=700,— общество, которое отказывала вмѣстить въ себя даже просторная биржевая зала. Кромѣ того, въ кружкѣ нашемъ стали поговаривать, что характеръ елокъ послѣднихъ лѣтъ слишкомъ однообразенъ: все та же живая картина «зима», сказка, пѣсня и ничего новаго; что программа должна быть расширена, особенно для взрослыхъ, — и послѣ долгихъ толковъ остановились, наконецъ, на характерѣ концерта. Много хлопотъ стоилъ мнѣ этотъ концертъ: пришлось ѣздить, просить, писать, кланяться. Вопросъ, поймутъ ли интеллигентные исполнители, что собственно требуется отъ нихъ и почему они должны пѣть и играть на этотъ разъ передъ горничными, прачками и швеями, — оставался открытымъ; къ инымъ изъ нихъ страшно было даже подступить съ такого рода предложеніемъ. И дѣйствительно, двѣ «кисейныя» барышни, обладающія хорошими голосами, отказались наотрѣзъ; одна дама избрала благовидный предлогъ; но зато нашлись такіе, которые выразили полное сочувствіе, и одна изъ этого большинства, дочь генерала, писала слѣдующее: «Я совершенно согласна съ вами, такъ какъ нахожу, что музыка и пѣніе понимаются не головой, а сердцемъ». Первая репетиція показала мнѣ, что концертное отдѣленіе не оставляетъ желать ничего лучшаго; правда, иные изъ комиссіи нашей по устройству праздника находили, что музыка нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ композиторовъ слишкомъ сложна и непонятна для подобнаго рода публики, что слова иныхъ изъ романсовъ слишкомъ страстны и сентиментальны. Но если эту музыку слушаетъ обык-

новенная публика, часто безъ всякой музыкальной подготовки, если эти слова поютъ при молоденькихъ интеллигентныхъ дѣвицахъ, то почему же не пѣть и не играть всего этого передъ этими простыми и непосредственными дѣвушками, обладающими такимъ же человѣческимъ сердцемъ и воображеніемъ? Мнѣ припоминался Шекспиръ, прочитанный въ такой же аудиторіи: «Отелло», «Король Лиръ», «Гамлетъ», произведшіе на нее огромное впечатлѣніе, и я горячо стояла за то, чтобы исполнители играли и пѣли свои любимыя произведенія, не подлаживаясь къ какому-то особенному будто бы вкусу престоляродья.

Когда залъ нашъ наполнился народомъ, и все замерло при звукахъ віолончели, — я пристально оглядѣла нашу аудиторію, и мнѣ показалось, что я была права: молодыя лица всѣ превратились во вниманіе, большіе любопытные глаза были прикованы къ исполнителю; казалось, ни одно созвучіе не ускользнетъ отъ этой чуткой публики, такъ беззавѣтно отдающейя сердцемъ во власть этихъ звуковъ. И среди этой мертвой тишины слышенъ былъ только громкій шопотъ стараго, безголосаго господина, воображающаго себя великимъ знатокомъ музыки, и сосѣда его доктора съ циничнымъ лицомъ. Я невольно погрозила имъ пальцемъ и продолжала наблюдать. Сначала апплодисменты, съ которыми познакомились инныя изъ нихъ въ театрѣ, были довольно сдержанны, но по мѣрѣ того, какъ музыка и пѣніе все больше и больше наэлектризовывали ихъ, апплодисменты становились все громче и громче и временами достигали полного апогеоза. Аплодировали больше пѣнію, чѣмъ музыкѣ. «Я васъ люблю», «У вратъ обители святой», «Жаворонокъ», «Зачѣмъ», «Но то былъ сонъ», «Молись» вызвали самыя горячіе апплодисменты. «Повторить!.. Повторить!..» слышалось въ толпѣ, незнакомой со словомъ «bis», на разные лады, начиная съ тонкаго молодого сопрано и кончая пріятнымъ дѣвическимъ контральто. Но больше всего мнѣ бросалась въ глаза молоденькая дѣвушка въ красенькой ситцевой кофточкѣ и съ такими же яркими толстыми щеками. Звуки музыки не произвели на нее, очевидно, сентиментальнаго впечатлѣнія — они охватили ее всю, съ

ногъ до головы, и здоровому, крѣпкому организму хотѣлось веселиться, радоваться и бурно выражать свои восторги. «Повторить! повторить!..» кричала она, поднявши руки вверхъ и аплодируя, что есть мочи. Потъ крупными каплями катился по ея толстому лицу; но, очевидно, ей не было ни до чего дѣла, она позабыла все на свѣтѣ и отдалась всецѣло охватившимъ ее, быть-можетъ, въ первый разъ впечатлѣніямъ. Когда концертъ окончился, она подошла ко мнѣ и сказала тихо и восторженно: «Могу я ихъ расцѣловать?» Я взглянула на ея потное толстое лицо, на ея красныя грубыя руки и отклонила это предложеніе, сказавъ: «Нѣтъ, не надо! Онѣ и такъ устали!» Мнѣ стало страшно въ эту минуту, что она какъ-нибудь особенно бурно выразить свои восторги.

Но не всѣ, конечно, выражали ихъ въ такой формѣ. Одна изъ моихъ ученицъ, прачка Марьяна, семья которой разбросана по всему свѣту, что составляетъ большое мѣсто ея души, подошла ко мнѣ и сказала тихо: «Ахъ, какъ мнѣ это понравилось: «Кто-то вспомнить обо мнѣ и вздохнуть украдкой!» — «А на васъ что именно произвело самое большее впечатлѣніе?» спросила я блѣдную развитую дѣвушку, стоявшую тутъ же. — «Я васъ любила», сказала она застѣнчиво, и какая-то тѣнь страданья промелькнула по ея молодому лицу. Вѣроятно, жизнь научила понимать эти слова.

Да, много мнѣній пришлось выслушать мнѣ отъ этихъ откровенныхъ со мною людей, — мнѣній искреннихъ, разумныхъ, разнообразныхъ. Въ одномъ только сходились всѣ — отъ мала до велика — это въ томъ, что праздникъ удался, что праздникъ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе, что никогда еще у насъ не было такого хорошаго праздника.

И я чувствовала приливъ счастья и гордости за ученицъ, за народъ, такъ чутко и отзывчиво относящійся къ эстетическимъ удовольствіямъ, обладающій такимъ природнымъ тактомъ и инстинктомъ держать себя лучше, приличнѣе, чѣмъ безголосый господинъ, мнящій себя знатокомъ музыки, и болтливый докторъ съ циничной фізіономіей.

На другой день въ томъ же помѣщеніи, но при иныхъ условіяхъ, состоялся 2-й праздникъ — малолѣтнихъ и подро-

стковъ включительно до 15 лѣтъ. Мнѣ кажется, что всѣ наши силы ушли на заботы о первомъ праздникѣ,—такъ новъ и загадоченъ былъ онъ для насъ самихъ, а потому ко второму всѣ какъ-то отнеслись, спустя рукава: вяло искали соотвѣтствующаго разсказа и совсѣмъ не нашли; не было разсказа, не было и картины, отвергли программу прошлаго и не выработали новой, осталось нѣсколько пѣсенъ, и больше ничего; но нѣкоторыя изъ учительницъ все-таки старались изъ всѣхъ силъ оживить его, и когда я вошла въ полуосвѣщенную еще залу, въ ней, что называется «дымъ стоялъ коромысломъ»: крикъ, шумъ, гамъ, бѣготня, игры... Въ нѣсколько секундъ меня толкнули справа, слѣва, въ спину; никто не обращалъ вниманія на входящихъ; никто не думалъ о томъ, что есть же, наконецъ, границы всѣмъ этимъ проявленіямъ радости. Я готова вѣрить, что этимъ дѣтямъ и подросткамъ, дѣйствительно, было весело; но въ этомъ весельѣ было что-то дикое, безформенное, безобразное — и мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ не понравился этотъ второй праздникъ безъ программы, хотя иные изъ защитниковъ его и вынесли самыя хорошія впечатлѣнія.

На 4-й день долженъ былъ состояться праздникъ такъ называемой «маленькой школы». Но прежде чѣмъ говорить о немъ, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о самой маленькой школѣ, о томъ, какъ родилась она и выросла. Наша воскресная школа выбрасывала ежегодно за бортъ нѣсколько десятковъ, а можетъ-быть, и сотенъ ученицъ, однихъ — по малолѣтству, другихъ за неимѣніемъ мѣстъ, хотя онѣ и достигли уже завѣтнаго предѣла — 10 лѣтъ. Выбрасывали ихъ и ежедневныя школы по тѣмъ же мотивамъ, и это жестокое «избіеніе младенцевъ» повторялось изъ году въ годъ, такъ что мы, старыя учительницы, даже привыкли къ нему и подчасъ говорили не безъ раздраженія: «Конечно, ей нѣтъ 10 лѣтъ!» — «Принеси метрическое свидѣтельство, тогда примемъ!» — «Нельзя же намъ для тебя измѣнять свои правила!» и т. д. Но помириться съ такими порядками молодымъ, впечатлительнымъ учительницамъ было, вѣроятно, труднѣе. И вотъ одна изъ нихъ рѣшила

подбирать такихъ несчастныхъ дѣтей и заниматься съ ними два раза въ недѣлю по буднямъ, въ тѣ часы, когда уѣздное училище свободно отъ занятій. Правду сказать, предприятие это не вызвало у меня сочувствія на первыхъ порахъ. «Мало ли намъ хлопотъ съ воскресной школой и все ли доведено въ ней до совершенства?!» думала я, и утомленіе 30-лѣтнею работою ярко сказалось въ этомъ раздумьѣ. Но ставить препятствія благому порыву я все-таки не могла. И вотъ бокъ-о-бокъ съ большой воскресной школой росла маленькая и черезъ полгода насчитывала уже до 100 малолѣтнихъ ученицъ. Незадолго до праздниковъ возникъ вопросъ, имѣетъ ли право на елку эта сверхштатная школа и не ляжетъ ли это лишнимъ налогомъ на школьные средства. Вопросъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, и 28 декабря я въ первый разъ должна была увидѣть, наконецъ, маленькую школу съ полнымъ составомъ ея ученицъ и учительницъ. Я вошла въ калитку вмѣстѣ съ группой дѣтей, и взглядъ мой невольно остановился на ихъ личикахъ. Ахъ, какія это были красивыя дѣти, положительно какъ на подборъ! Рядомъ съ дѣвочкой-брюнеткой въ малорусскомъ вкусѣ, съ темными бровями и карими глазами, стояла блондинка съ прядями свѣтлыхъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ платочка, за нею сильная брюнетка съ прекрасными пытливыми глазами, свойственными ея національности, далѣе — миниатюрная дѣвчурка съ хорошенькимъ, немножко птичьимъ личикомъ, а рядомъ съ нею положительно красавица съ черными очами при пепельныхъ волосахъ. Иногда рисуютъ картинки «типы дѣтей»; это была именно такая картинка, но только одухотворенная жизнью. Мнѣ показалось почему-то, что дѣти эти непременно должны знать меня, — меня, старую учительницу, посѣщающую 32 года, и я спросила наивно: «А вы меня знаете?» — «Нѣтъ, не знаемъ!» отвѣчали они весело наперерывъ, — и, тѣмъ не менѣе, въ этихъ словахъ, взглядахъ, улыбкахъ было столько привѣта и довѣрія... Очевидно, онѣ вѣрили каждому, кто входилъ съ ними въ эту завѣтную дверь, которая привѣтливо открыла для нихъ свои объятія. Въ эту минуту маленькая школа показала мнѣ школу будущаго, но мнѣ

совсѣмъ не было грустно отъ мысли, что всѣ эти крошечные люди вырастутъ и подымутся на ноги въ то время, какъ меня не будетъ уже на свѣтѣ. Напротивъ, мнѣ казалось, что какая-то сверхъестественная сила подняла передо мною таинственную завѣсу будущаго, и я вижу эту новую школу, гдѣ всѣ такъ дружны, веселы, счастливы, гдѣ для всѣхъ нашлось мѣсто. И хотя они, эти дѣти, не знаютъ меня, но я знаю и чувствую, что между мною и ими существуетъ та невидимая нравственная связь, изъ-за которой такъ милы и дороги мнѣ эти питомцы незнакомой мнѣ, но близкой по духу маленькой школы.

Когда я вошла въ залъ, елка не была еще зажжена, двери въ классы были плотно притворены, и изъ нихъ доносился веселый гулъ дѣтскихъ голосовъ. Учительницы маленькой школы дѣлали послѣднія приготовленія; между ними замѣчался особенно дружный союзъ, — всѣ онѣ хорошо знали одна другую и называли по имени, не такъ, какъ въ большой школѣ, гдѣ постоянный наплывъ новыхъ силъ лишаетъ часто возможности ознакомиться съ фамиліей. Наконецъ скромная елочка была зажжена, и завѣтныя двери отворились. Я ожидала, что эта толпа бѣдныхъ дѣтей, никогда въ жизни не видавшихъ елки, весело бросится на нее, станетъ ходить вокругъ, разсматривать, потрогивать, просить гостинцевъ; но это было не такъ: всѣ онѣ остановились у дверей, пораженные, очевидно, и умиленныя невиданнымъ зрѣлищемъ, но какъ только звуки монопана раздались въ школьной залѣ — все вдругъ разомъ зашумѣло, завеселилось, затанцовало. Образовались кружки и въ нихъ самозванные солистки казачка. Ахъ, что это были за танцы! Ни одинъ танцмейстеръ въ мірѣ не въ силахъ придать той прелести, простоты и граціи, которыми награждаетъ природа; казалось, самый геній балета носился надъ этими импровизированными балеринами, и, Боже мой, какъ онѣ были милы, граціозны, жизнерадостны! Отъ одной изъ нихъ, совсѣмъ маленькой дѣвочки, съ выразительнымъ, осмысленнымъ личикомъ и большими задумчивыми глазами, я просто не могла оторвать глазъ; казачокъ ея былъ цѣлой поэмой: сначала она плясала беззаботно, весело, за-

тѣмъ появился бѣлый платочекъ въ рукахъ, которымъ она граціозно помахивала въ воздухѣ, затѣмъ танецъ ея достигъ апогеоза веселья и увлеченья, и вдругъ, точно утомившись, задумавшись о чемъ-то, она взялась за голову, движенія ея становилсь все медленнѣе, все печальнѣе и замерли вмѣстѣ съ звуками незатѣйливой музыки. «Гдѣ видѣла она этотъ невиданный мною никогда танецъ, кто подсказалъ ей эту поѣму, кто научилъ ее такъ танцевать?» съ недоумѣніемъ думала я. Въ другомъ кружкѣ танцевала совсѣмъ крошечная дѣвочка, совершенная кукла; даже самое платье изъ мебельнаго ситца съ большими цвѣтами было сшито точно на куклу, но куколка эта была необычайно мила и граціозна, и цѣлая толпа зрителей образовалась вокругъ нея. Рядомъ съ нею танцевала прехорошенькая дѣвочка немного постарше, въ красненькой кофточкѣ, съ оживленнымъ смѣющимся личикомъ. Здѣсь не было никакой поѣмы, здѣсь было сплошное веселье, увлеченье, восторгъ. Танцы смѣнились играми безъ названій; здѣсь былъ и маршъ, и бѣготня, и все, что хотите. Руководилъ ими студентъ, участникъ школы, умѣло, оживленно, съ одушевленіемъ. И, глядя на эту веселую толпу, покорно повинующуюся ему, я думала: «Вотъ оно, искреннее и безхитростное сближеніе съ народомъ! Эта школа будущаго никогда, никогда, — я въ этомъ увѣрена, — не пойдетъ бить студентовъ, не пойдутъ бить ихъ ни братья, ни мужья этихъ крошечныхъ людей будущаго, такъ какъ вліяніе просвѣщенныхъ женъ и матерей окажется сильнѣе кровожадныхъ инстинктовъ московскихъ мясниковъ». И я съ гордостью сознавала, что студентъ, руководившій играми, родной мой сынъ. Среди этого шума и гама какая-то женская фигура въ большой мѣщанской шубѣ крѣпко заключила меня въ свои объятія и стала цѣловаться со мною. «Щербакова!.. Не узнали?.. — проговорила она взволнованнымъ голосомъ. — Съ дочерью пришла». И, взглянувъ въ это растолстѣвшее возмужалое лицо, я дѣйствительно узнала свою бывшую ученицу. «Все какъ было, — продолжала она, утирая ладонью набѣжавшія слезы, — только голова у васъ совсѣмъ посѣдѣла. Ну, слава Богу, что живы, по край-

ней мѣрѣ, на счастье нашихъ дѣтей». Меня необыкновенно тронула эта неожиданная встрѣча и эти простые слова, въ которыхъ, однако, для меня было столько смысла и значенія.

Свѣчи догорали; учительницы маленькой школы какъ-то удивительно безшумно собрали ученицъ по группамъ; казалось, это была какая-то новая интересная, но тихая игра. Рядомъ со мною очутилась группа учредительницы маленькой школы М. Н. С. Это были совсѣмъ крошечные дѣвочки, но держали онѣ себя весьма солидно; тѣмъ не менѣе, одна изъ нихъ, съ видомъ совсѣмъ взрослой женщины, очень тревожилась за нарушеніе порядка. «Стойте смирно! — говорила она имъ вполголоса материнскимъ тономъ. — Всѣмъ достанетъ, чего толпиться! Каждый посмотритъ и скажетъ: видите, какія хорошія дѣвочки!» Мнѣ ужасно хотѣлось смѣяться, но я все-таки чувствовала уваженіе къ этой маленькой взрослой женщинѣ.

Наконецъ всѣ получили гостинцы и, веселые и счастливые, стали расходиться по домамъ. Кое за кѣмъ пришли родные, за одной пришелъ даже братъ-гимназистъ, и я невольно подумала: имѣетъ ли право сестра его занимать мѣсто среди этихъ бѣдныхъ дѣтей? — и тутъ же отвѣчала себѣ, что не пошла бы она сюда, если бѣ имѣла возможность попасть въ пансіонъ, какъ братъ, и не покупается ли образованность брата ея безграмотностью, какъ это бываетъ часто въ бѣдныхъ семьяхъ?!

Рождественскій праздникъ.

Обычай устраивать елку занесенъ къ намъ, какъ извѣстно, изъ Германіи. Тамъ онъ полонъ поэзіи и таинственности. Засыпая наканунѣ праздника, дѣти думаютъ, что нынче въ ночь прійдетъ къ нимъ добрый Иисусъ и принесетъ гостинцы и сюрпризы. Не одной дѣтской головкѣ грезится, вѣроятно, въ эту ночь и небо, и ангелы, и звуки райскихъ пѣсенъ. Но перенесенный на иноземную почву, обычай этотъ мало-по-малу утратилъ свое первобытное обаяніе. Мы видимъ

роскошныя елки съ толпою нарядныхъ, танцующихъ дѣтей, которыя пресыщенно и почти индифферентно относятся къ такому же нарядному и разукрашенному дереву, какъ и они сами; мы видимъ школьныя елки съ раздачею дѣтямъ полушубковъ, сапогъ и картузовъ; мы наблюдали даже однажды, какъ реализмъ въ данномъ случаѣ дошелъ до того, что на освѣщенномъ деревѣ висѣла колбаса и французскіе хлѣбцы. Все это, конечно, очень хорошо и гуманно, — почему не раздать бѣднымъ дѣтямъ полушубковъ, сапогъ и картузовъ, почему не накормить полуголоднаго ребенка хлѣбомъ и колбасой?! Но зачѣмъ связывать все это съ поэтическимъ образомъ елки; зачѣмъ не разграничить одно отъ другого; зачѣмъ думать, что дѣтямъ изъ народа нужны только сапоги и колбаса; зачѣмъ не дать душѣ ихъ минутъ поэзіи и свѣтлой радости, которыхъ такъ мало встрѣчается въ жизни малолѣтняго работника или работницы, живущихъ у хозяевъ?..

Все это приходитъ мнѣ въ голову каждый разъ при устройствѣ елки, и каждый разъ я силюсь придумать, какую интересную новинку внести бы намъ въ нашъ школьный праздникъ, чѣмъ и какъ порадовать нашихъ взрослыхъ дѣтей, на лицахъ которыхъ можно прочесть въ этотъ вечеръ такую же наивную радость. Конечно, ихъ трудно было бы увѣрить, что добрый Христосъ въ эту ночь приносить гостинцы добрымъ дѣтямъ, но вѣдь не одна только эта легенда заключаетъ въ себѣ чары поэзіи, не одна она производитъ впечатлѣніе и остается надолго въ памяти.

Въ силу всего этого, вмѣсто булокъ и колбасы, вы увидите въ нашей большой, красивой залѣ бѣлоснѣжныя корбочки, наполненныя лакомствами, съ изящной картинкой наверху; вы услышите малорусскую пѣсню во всей ея неприкосновенной поэзіи и прелести, и тамъ, въ глубинѣ залы, среди искусственной снѣжной поляны, красавицу-елку, всю разукрашенную гирляндами цвѣтовъ.

Въ настоящемъ году ¹⁾, незадолго до Рождества, я получила изъ Москвы случайно не одну, а двѣ огромныхъ ели,

1) 1896 г.

и, желая задрапировать стѣны и окна, нарушающія общую иллюзію картины, обратилась къ М. Д. Раевской съ просьбой снабдить насъ декораціями, нарисованными учениками ея рисовальной школы. Ихъ оказалось двѣ: одна, изображающая дно морское, а другая — весну. Мнѣ очень хотѣлось утилизировать все это, но выходили наглядныя несообразности. Какимъ образомъ примирить съ жизненной правдой дно морское, двѣ ели, весну и зиму? На помощь мнѣ пришла мысль о сказочномъ мірѣ, гдѣ все возможно. Я вспомнила прекрасную поэтическую сказку проф. Топелиуса «Двѣ сосны», въ которой есть и Балтійское море, и снѣга Финляндіи, и двѣ огромныя сосны-великаны, и поэтическая героиня Сильвія, при взглядѣ которой, куда бы ни упалъ онъ, расцвѣтаютъ весенніе цвѣты. И вотъ задуманная сказка воплощается въ жизнь, а я стою на возвышеніи и громко читаю ее пятисотенной толпѣ. Въ этой зимней сказкѣ говорится, какъ дѣти бѣднаго крестьянина, Сильвестръ и Сильвія, пошли въ лѣсъ. Они поймали было тамъ зайца и куропатку, но сжалились надъ беззащитными животными и отпустили ихъ. Видя ихъ доброту, сосны-великаны завели съ ними дружескую бесѣду; онѣ пѣли имъ подъ шумъ бури:

„Растите же, дѣти,
Велики и сильны,
Какъ мы, не страшитесь невзгодъ;
Свѣтъ истины свѣтитъ
Для всѣхъ васъ обильно,—
Идите же смѣло впередъ!“

Далѣе говорится о томъ, какъ пришелъ отецъ и хотѣлъ срубить сосны, но дѣти упросили его оставить въ покоѣ стариковъ-великановъ. Тронутая новымъ великодушіемъ Сильвестра и Сильвіи, сосны предлагаютъ имъ сдѣлать для нихъ, что только они захотятъ. Дѣти весьма скромны въ своихъ желаніяхъ.

— Я бъ хотѣлъ, чтобы теперь, хотя немного, засвѣтило солнце, — говоритъ Сильвестръ.

— А я хотѣла бы, чтобы опять настала весна, — сказала Сильвія.

Сосны съ избыткомъ исполнили желанія дѣтей: стоило мальчику взглянуть на что-либо, чтобы солнечный лучъ падалъ въ томъ направленіи и освѣщалъ предметъ; отъ взгляда Сильвіи расцвѣтали цвѣты и отъ дыханія ея вѣяло весною. Каждый чувствовалъ радость и веселье при видѣ этихъ прекрасныхъ дѣтей; даже суровый король и его надменная супруга невольно повеселѣли, проѣзжая мимо хижины бѣдняка.

Не знаю, каковы были впечатлѣнія другихъ участницъ школы, но мнѣ лично казалось, что я побывала въ сказочномъ царствѣ и слышала гулъ въ ту минуту, когда сосны-великаны свалились на землю, и руки друзей засыпали ихъ цвѣтами.

Впечатлѣнія мои все время раздѣлялись, очевидно, этой пятисотенной толпой, такъ какъ въ ней было тихо, совсѣмъ тихо, и только съ послѣднимъ звукомъ моего чтенія все снова оживилось, заговорило и зашумѣло.

Громкіе голоса учительницъ вызывали по очереди то одну, то другую фамилію, и группы ученицъ довольно чинно и благопристойно тянулись длинной лентой одна за другою.

Но я не въ силахъ была отрѣшиться еще отъ только что полученнаго впечатлѣнія; мой взглядъ невольно былъ прикованъ еще къ сказочной картинѣ въ глубинѣ залы. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ будущее и найти тамъ отвѣтъ на вопросъ, насколько всѣ эти впечатлѣнія врѣжутся въ дѣтской памяти и залягутъ въ ней на долгіе годы. Мнѣ представлялась замужняя женщина - мать, окруженная дѣтьми наканунѣ праздника Рождества. Ей не на что устроить имъ блестящую, нарядную елку, но въ памяти ея хранятся сокровища, которыми она можетъ подѣлиться съ ними.

Это дорогія воспоминанія дѣтства.

Она научилась еще въ школѣ плавно, образно и живо передавать свои впечатлѣнія. И вотъ въ этой бѣдной комнаткѣ съ догорающимъ огаркомъ свѣчи снова воскресли въ дѣтскомъ воображеніи и зала, наполненная веселой толпой, и сосны-великаны на бѣломъ снѣгу, и зайчикъ, и куропатка, пойманные въ сѣти, и опять улыбка Сильвестра и Сильвіи бросаетъ свѣтлый лучъ на это бѣдное жилище...